

КАТЕРИНА РАЙДЕР

КРОВЬ И МОЛОКО

18+

цикл: ПОРОЧНЫЙ ЛОНДОН

Длинный список 2020-го года Премии «Электронная буква»

Катерина Райдер

Кровь и молоко

«Автор»

2020

Райдер К.

Кровь и молоко / К. Райдер — «Автор», 2020 — (Длинный список 2020-го года Премии «Электронная буква»)

ISBN 978-5-532-06272-6

В середине XIX века викторианский Лондон не был снисходителен к женщине. Обрести себя она могла лишь рядом с мужем. Тем не менее, мисс Амелия Говард считала замужество уделом лишённых амбиций дам. После смерти матери отец семейства всё чаще стал прикладываться к бутылке. некогда процветавшее фамильное дело пришло в упадок. Домашние заботы легли на плечи старшей из дочерей. Мисс Говард видела себя автором увлекательных романов, имела постоянного любовника и не спешила обременять себя узами брака. Но, чтобы спасти родовое поместье, ей всё же приходится расстаться со свободой. Амелия выходит замуж за судью, который вскоре при загадочных обстоятельствах погибает. Главная подозреваемая – молодая жена. Но мотивы были у многих людей, близких к её почившему супругу. Сумеет ли женщина отстоять свою невиновность, когда, кажется, против неё ополчился весь мир? И узнает ли счастье настоящей любви та, кто всегда дорожила своей независимостью? в бумаге: Wb – арт: 75951657 OZON – код: 564407567

ISBN 978-5-532-06272-6

© Райдер К., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Посвящение	6
Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	33
Глава 9	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Катерина Райдер

Кровь и молоко

Посвящение

На перепутье жизненных дорог,
Ухабистых, кривых, непроходимых,
Когда нет сил и всюду виден рок,
Средь сотен лиц, бездушных, молчаливых,
Есть человек, что твёрдою рукой
Ведёт меня сквозь прорехи сомнений.
Поддерживая пламени огонь
В душе, смятенной чередой волнений.
Устало падаю, кляня свою судьбу.
Он поднимает на ноги заботой.
Даёт мне силы продолжать борьбу,
Терзая разум камертонной нотой.
Я не устану воспевать ему.
И всё, что есть, я для него пишу!

А. З. – человеку, который всегда верил в меня. Спасибо.

Пролог

Пригород Лондона. 1854 год.

Утро в поместье Говардов началось с очередной "плохой новости". Ровно в девять к дому подъехал полицейский экипаж во главе с детективом Байроном, которому не терпелось свершить правосудие и отомстить за смерть отца.

Несколько мужчин, облачённых в форму констеблей, бесцеремонно ворвались в холл. На все протесты прислуги они отвечали единственным вопросом: "Где миссис Байрон?"

Амелия в это время находилась в гостиной вместе со своей младшей сестрой. Горничная только-только подала чай, и девушки, попросив оставить их наедине, разливали ароматный "Эрл Грей" в изысканные, белоснежные, фарфоровые чашки.

– Молока? – мягко улыбнулась Мэри, взяв в руки молочник.

– Да, благодарю, – кивнула Амелия, но тут распашные двери с грохотом открылись, врезааясь в стены по обе стороны от проёма, и в комнату вошёл детектив, а следом за ним несколько полицейских.

Лицо Байрона искажал изображающий улыбку оскал. Глаза блестели, как у дикого волка, при взгляде на молодую женщину, что теперь носила фамилию его семьи. Мэри испуганно вжалась в спинку кушетки, Амелия же, напротив, наградив мужчину негодующим взглядом, поднялась на ноги.

– Даниэль? – её голос был ровным, учтивым, но сие являло собой лишь проявление воспитания. – Чем обязаны столь раннему визиту?

В гостиную, протискиваясь между мужчинами, вбежала взволнованная горничная. Вино вато глядя на свою леди, она начала жалобно причитать, переминаясь с ноги на ногу.

– Я пыталась их остановить, мисс Говард, то есть миссис Байрон, но...

– Всё в порядке, Лиззи, не переживай. Можешь идти, – Амелия даже не взглянула на служанку, всё это время она смотрела исключительно в глаза сына своего почившего супруга. – Полагаю, вам удалось выяснить что-то относительно смерти моего мужа?

– О, да, – растягивая гласные до неприличия, улыбнулся детектив. – Я знаю, кто убил отца...

Он выдержал многозначительную паузу, наполняя момент особым драматизмом, затем поправил пиджак и громко объявил, совсем как конферансье в мюзик-холле:

– Миссис Байрон, вы обвиняетесь в убийстве Питера Байрона и немедленно будете доставлены в Ньюгетскую тюрьму, чтобы впоследствии предстать перед судом.

– Что? Ты, верно, шутишь, Даниэль? – потрясённая заявлением мужчины Амелия попятилась назад, натываясь на чайный столик, опрокидывая заварник, который с грохотом упал на пол, расплёскивая терпкий напиток на ворс шерстяного ковра.

– Арестовать её! – отдал приказ Байрон-младший.

Двое из четырёх мужчин уверенным шагом направились к девушке, схватили её под руки и поволокли к выходу под трагические возгласы сестры.

– Амелия, нет! Это какая-то ошибка! – Мэри кинулась вслед за арестанткой, пытаясь ухватить ту за руку, но её остановил Даниэль, удерживая за плечи.

– Не влезайте в это дело, мисс. Ваша фамилия и так почти лишилась уважения в обществе! Подумайте о своём будущем! Что скажет семья мистера Уитмора? – с угрозой ухмыльнулся детектив, крепче сжимая пальцы на худеньких предплечьях.

Девушка растерялась, но из ступора её вывел голос Амелии.

– Мэри, найди моего адвоката! Запомни имя – Джеймс Гудмен! Ты должна всё ему рассказать, он непременно разберётся!

– Очень сомневаюсь, – злорадно прохрипел детектив и, небрежно отпихнув от себя младшую Говард, вышел из гостиной.

Глава 1

*"Любовь склонна по доброй воле к жертвам,
И платит самой дорогой ценой".*

Уильям Шекспир

2 недели назад.

– Я бы мог сопровождать тебя на приёме у Линча, – молодой англичанин, заведя руки за голову, лежал среди шёлковых подушек, совершенно не стесняясь своей наготы.

– О, милый Джозеф, мне льстит твоё приглашение, но, увы, я вынуждена его отклонить, – ответила Амелия Говард, сидя перед трюмо, расчёсывая длинные тёмно-каштановые волосы, то и дело цепляющиеся дерзкими кудрями за шнурки корсета.

Джозеф Фостер к двадцати пяти годам добился немалых высот на журналистском поприще. Будучи юнцом, но ретивым и целеустремлённым, он начал карьеру в газете мистера Говарда. Ничего особенного – простые поручения, доставка корреспонденции, затем корректура текста и, наконец, небольшая колонка светской хроники. Но после того как отец Амелии пристрастился к бутылке, проводив в последний путь свою дражайшую супругу, молодому человеку пришлось отправиться в свободное плавание. Теперь же Фостер являлся штатным журналистом самой популярной газеты Лондона, но его сердце по-прежнему принадлежало семейству Говардов, а точнее старшей из дочерей.

– Почему ты не хочешь ехать со мной? – в голосе джентльмена звучало искреннее негодование.

Амелия глянула на него через плечо и, чуть сощуриив глаза, хитро улыбнулась, но ничего не ответила.

– Я не понимаю тебя. Ты с лёгкостью пускаешь меня в свою постель, но избегаешь публичных появлений.

Театрально вздохнув, леди отложила гребень и встала со стула, глядя на мужчину в отражение зеркала.

– Давай не будем портить это потрясающее утро...

Она слегка прикусила нижнюю губу, сминая пальцами лёгкую ткань полупрозрачного подъюбника, поднимая его до уровня колен. Томный стон, сорвавшийся с медовых губ, заставил Фостера напрячься. Этот сладостный звук всегда сбивал его с толку, туманил разум, будоражил фантазию.

Амелия медленно обернулась. Ступая почти бесшумно босыми ногами по холодному полу, она подошла к постели и замерла, бессовестно разглядывая возбуждённую плоть любовника, что еле сдерживался, дабы не схватить девушку за руку и не затащить в кровать.

– Ты не ответила на вопрос. Почему мы не можем пойти вместе? – желваки на угловатых скулах дрогнули, но вовсе не от раздражения, а от терзающего тело желания.

Говард игриво улыбнулась. Фостер тяжело сглотнул.

– Потому что могут пойти слухи, – сладко протянула она и, забравшись на постель, встала во весь рост, упираясь изящной ножкой в мужскую грудь. – Кому, как не тебе, знать, сколь стремительно по Лондону распространяются вести.

– Если ты выйдешь за меня, нам не нужно будет скрывать наши отношения, – касаясь девичьей щиколотки, мужчина начал поднимать руку выше, забираясь под подол.

– Брак – удел глупых или же бедных женщин, – иронично заключила Амелия, прикрывая глаза, наслаждаясь нежными прикосновениями.

В дверь постучали.

– Мисс Говард, завтрак подан.

Это была горничная Элизабет, или, как все её называли, Лиззи. Одна из немногих слуг, что осталась, а не сбежала, точно крыса с тонущего корабля, когда издательский бизнес Джорджа Говарда обанкротился.

– Спустишь через пять минут, – сдержанно ответила Амелия, убирая ногу с ключицы журналиста, тут же соскакивая с постели, точно озорное дитя. – Поможешь с корсетом? Нужно затянуть ту же.

– Конечно, – не скрывая огорчения, вздохнул Джозеф, лениво вставая с перин.

Если говорить откровенно, у Фостера было множество достоинств: приличное жалование, уважение в обществе и ещё уйма качеств, присущих настоящему джентльмену. Но для Амелии имели значения лишь два: связи в издательстве (старшая мисс Говард увлекалась написанием романов, пусть пока кроме Джозефа их никто не читал) и то, что он был потрясающим любовником.

– Останешься на завтрак? – спросила Амелия, пока мужчина ловко шнуровал корсет.

– А что скажет твой отец? – Фостер дошёл до конца, крепко затянул ленты и, сделав узел, заправил его вовнутрь.

– Мой отец уже давно ничего не решает.

Развернувшись к любовнику лицом, леди коснулась пальцами гладко выбритой щеки, двигаясь к небольшой выемке на подбородке. Фостер властно перехватил её руку и прижался сухими губами к нежной ладони.

– Мне нужно в редакцию, прости.

– Не извиняйся, ты мне ничего не должен, Джозеф, – мягко ответила Амелия, отступая на шаг назад. – Значит, увидимся у Линча?

– Да. Он собирается представить Лондонскому бомонду своего будущего партнера. Некий Томас Рэнделл, американец. Тёмная лошадка. Всего пару дней в Англии, а уже успел стать самой обсуждаемой персоной.

– И что же в нём особенного? – безразлично спросила леди, собирая пышные локоны в высокую причёску.

– Он молод, красив, неприлично богат и холост. Думаю, этого достаточно, чтобы прослыть знаменитостью среди незамужних дам.

– Как банально, – с презрением отозвалась Амелия, вставляя в пучок длинную шпильку, украшенную на конце трёхлистной лилией.

– В любом случае, главный редактор попросил написать очерк об этом джентльмене, так что я непременно буду там. Оставишь для меня танец?

– Разумеется, – снисходительно улыбнувшись, Амелия направилась за ширму одеваться.

Проводив её взглядом, мужчина мечтательно улыбнулся, вспоминая о дозволенных себе ночью шалостях, и, забрав с комода цилиндр, покинул спальню любовницы.

* * *

Вечером того же дня.

– Экипаж опаздывает, – Мэри мерила шагами гостиную, заведя руки за спину, недовольно вздёрнув курносый носик.

Её пепельно-русые волосы были уложены в элегантную причёску. Белые перчатки подчёркивали утончённость пальцев. Лебединую шею украшала подвеска, подаренная мистером Уитмором – потенциальным женихом, на которого обе мисс Говард возлагали большие надежды.

Девушка очень переживала по поводу своего платья, ведь оно уже повидало свет. Но Амелия заверила сестру в беспочвенности её опасений, так как надет наряд был лишь однажды,

при этом слишком давно, дабы кто-то из господ смог сие припомнить. И всё же нервозность ощущалось в каждом движении юной особы. Ей было всего семнадцать, любая неудача в столь нежном возрасте воспринималась болезненно и чрезмерно эмоционально. Амелия же по меркам общества считалась женщиной "в возрасте". В свои почти двадцать семь на её счету значился, по меньшей мере, десяток официально отвергнутых предложений руки и сердца, уйма финансовых трудностей и взваленная на хрупкие плечи обязанность устроить будущее младшей сестры. Суровая реальность превратила некогда романтическую особу, пишущую стихи в тени яблоневого сада, в настоящего циника. Но вместе с тем наградила её нестигаемой волей, а также пронизательностью и талантом к манипуляции. Джентльмены восхищались ею, пусть и не одобряли бескомпромиссную прямолинейность, с которой леди вела беседы совсем не на женские темы, а дамы завидовали и ненавидели за красоту, успех у противоположного пола и вхожесть в их мир. Но какие бы эмоции Амелия Говард ни вызывала, когда она появлялась в комнате, никто не оставался равнодушным.

– Мэри, прошу, присядь. Ты вытопчешь весь ковёр, – отнимая взгляд от книги, обратилась к сестре Амелия.

– Невежливо! Крайне невежливо опаздывать в гости к такому уважаемому человеку, – всплеснув руками, запричитала девушка.

– Мы никуда не опаздываем, в приглашении нет точного времени. За окном дождь, дороги размыло, наверняка экипаж прибудет с минуты на минуту.

– Ах, я поражаюсь твоему спокойствию. Неужто тебя совсем не взволновала новость о мистере Рэнделле. Он будет сегодня представлен, не хочу пропустить столь значимое событие!

– Значимое событие? – Амелия иронично усмехнулась. – Моя милая, наивная Мэри! Лондонский договор – это значимое событие. Вспышка холеры на Брод-Стрит – значимое событие. А приезд никому не известного американца, с которым сэр Линч вознамерился вести дела, всего лишь обыденность, о которой забудут уже через неделю.

– Говорят, его доход составляет почти десять тысяч фунтов в год и он холост, – деловито подметила юная мисс.

– Маленькая ханжа, – мелодично рассмеялась Амелия. – Значит, оцениваешь джентльменов по толщине кошелька?

– Нет, – смутившись, Мэри отвела взгляд. – Я имела в виду, что он бы мог составить отличную партию...

– А как же мистер Уитмор?

– Не для меня, Амелия, для тебя...

Старшая Говард удивлённо вскинула бровь. Непосредственность младшей сестры её не то забавляла, не то раздражала.

– Спасибо за заботу, дорогая, но мы с мистером Рэнделлом друг другу не подходим.

– Откуда ты знаешь, вы же даже не знакомы, – возмутилась мисс.

– О, а вот тут ты заблуждаешься, Мэри. Он мужчина, а об этом явлении мне известно абсолютно всё.

В гостиную вошла Лиззи. Она учтиво склонила голову, после чего сообщила о прибытии экипажа.

– Наконец-то! – тут же позабыв про беседу, Мэри восторженно хлопнула в ладоши и, накинув на плечи плащ, почти вприпрыжку выбежала из комнаты.

– Мы будем поздно. Позаботься, чтобы по возвращении в моей комнате стоял графин с питьевой водой. Также проследи, чтобы отец не покидал поместье.

Служанка кивнула. Амелия ответила ей тем же и молча удалилась.

Глава 2

*"Отцы, не верьте больше дочерям,
Как ни были б невинны их повадки!
Приходится поверить в колдовство,
Которым возвращают самых чистых".*

Уильям Шекспир

Алан Линч, как и большая часть Лондонской элиты, проживал в Белгравии – престижном районе Вестминстера к юго-западу от Букингемского дворца.

Начиная с семи вечера нескончаемым потоком к его дому съезжались экипажи. Разодетые дамы в сопровождении кавалеров, несмотря на скверную погоду, не могли упустить возможности посетить столь уважаемого человека. В особенности после новости о некоем мистере Рэнделле, что распозналась среди горожан быстрее эпидемии холеры в Сохо. Казалось, в этот вечер весь высший свет собрался под крышей предпринимателя, славящегося успешными кампаниями во многих сферах, начиная с торговли сахаром, заканчивая ткацким производством. Когда настало время представить гостям американского партнёра, бальный зал был забит до отказа. К великой досаде Мэри и полному равнодушию Амелии, их экипаж прибыл на место лишь к половине девятого, а потому сёстры Говард не удостоились чести личного знакомства.

Как только повозка остановилась перед парадной, навстречу дамам тут же вышел дворецкий, держа зонт в левой руке. Он открыл дверь, подал руку старшей из сестёр, проводил её до крыльца, а затем вернулся за младшей. Внутри девушек встретил распорядитель бала. Он поприветствовал новоприбывших гостей, лично забрал у них верхнюю одежду и проводил в гостиную, утопающую в мягком свете свечей, уже нетрезвом смехе, музыке и звоне бокалов.

– У мистера Линча безупречный вкус, ты только посмотри на эти шторы, а канделябры, Амелия, – крутя головой, точно сова, восторгалась Мэри.

Она была здесь впервые.

– Сестра, – неодобрительно шикнула ей Амелия, – прошу, будь сдержаннее.

Не успев как следует осмотреться, Мэри увидела в толпе мистера Уитмора, который, в свою очередь, заметил дам чуть раньше и теперь пытался протиснуться к выходу, чтобы поприветствовать их.

– Мисс Амелия, Мэри, – наконец добравшись до девушек, мужчина галантно поклонился. – Безмерно рад встретить вас здесь.

– Уже, небось, заскучали в обществе снобов? – иронично улыбнулась старшая Говард.

Мистер Уитмор ничего не ответил, лишь слегка кивнул, опасаясь попасть в неловкое положение. Но его вниманием практически сразу завладела Мэри. Она смотрела на молодого человека с нескрываемым восторгом. Амелия нередко журила сестру за неумение сеять вокруг своей персоны интригу, убеждённая, что лишь тайна, которую мужчине не терпится разгадать, способна привязать его крепче любого долга. Но когда сердце объято юношеской любовью, разве есть шанс втолковать ему мысль разумную?

– Вы надели кулон... – взволнованно прошептал джентльмен, оставляя на худеньких пальчиках Мэри кроткий поцелуй.

Чарльз Уитмор, как и младшая Говард, крайне скверно скрывал свои симпатии. Любой сторонний наблюдатель с уверенностью бы заключил, что сын банкира души не чает в Мэри. Сама Амелия относилась к чувству, именуемому "любовь", весьма скептически. Она признавала страсть, одержимость, любые иные грани влечения, но любовь казалась ей понятием слишком абстрактным.

– Что же, не буду вам мешать, веселитесь, – разглядывая толпу, очевидно в поисках кого-то определённого, между делом произнесла Амелия. – И, Мэри, не злоупотребляй, пожалуйста, шампанским.

После старшая Говард направилась напрямиком к Линчу. Он стоял справа от фуршетного стола в компании нескольких джентльменов. Врываться в беседу наскоком леди не стала. По пути она перехватила бокал с игристого вина и остановилась чуть поодаль, дабы, не привлекая внимания, вникнуть в суть разговора. Говорили, как всегда, о политике. Ничего нового. Впрочем, долго оставаться в тени Амелии не удалось, мистер Линч весьма скоро заметил её среди гостей и радостно воскликнул, заставляя своих собеседников обернуться.

– Мисс Говард! Как я счастлив, что вы почтили нас своим присутствием!

Амелия медленно повернулась, изображая искреннее удивление. Затем широко улыбнулась и шагнула в круг мужчин, протягивая Линчу руку.

– Дорогой Алан, потрясающий вечер! – льстиво отозвалась молодая женщина, вкладывая пальцы в широкую мужскую ладонь.

Линч низко наклонился, припав к запястью дамы губами. А выровнявшись после, отпустил учтивый комплимент:

– Как всегда, прекрасны и обворожительны.

– Как и вы, дорогой друг, – ответила Амелия любезностью на любезность, окинула лукавым взглядом собравшихся и прибавила, – как и вы все, господа!

– Сегодня без сопровождения? – включился в беседу Даниэль Байрон, частный детектив по профессии и сын окружного Лондонского судьи по совместительству. – Вашего отца давно не видно в обществе.

– О, отец захворал, – пренебрежительно отмахиваясь, отозвалась мисс. – Алан, он просил передать вам свои извинения. Надеется в скором времени на личную встречу, как только поправит здоровье.

Линч почтительно кивнул.

– Передавайте мистеру Говарду пожелания скорейшего выздоровления.

– Всенепременно, – кивнула Амелия, переведя взгляд на Байрона. – И да, Даниэль, я без сопровождающего. Этот вопрос вас интересовал пуще остальных?

Кто-то из мужчин сдавленно засмеялся. Детектив недовольно хмыкнул, но Амелия уже на него не смотрела.

– И о чём вы говорили, пока я не помешала своим бессовестным вторжением? – уже обращаясь ко всем, кокетливо улыбнулась леди.

– Ничего интересного, – ответил кто-то из господ. – Так, политика и планы на будущее.

– Мм, политика? Мужчины спорят друг с другом о мужчинах, которые спорят друг с другом. Нет ничего увлекательнее...

Теперь же приступ смеха обрушился на каждого из присутствующих, за исключением всё того же Байрона. Он держался в стороне, смотрел прямо на Амелию, но дама настойчиво игнорировала мужчину, памятуя о прежних распрях и неуместных высказываниях детектива на её счёт. Даниэль всегда упрекал старшую Говард в чрезмерной прямолинейности, дерзости и резкости высказываний. А также открыто высмеивал намеренное желание не связывать себя узами брака. Однажды он во всеуслышание заявил, что Амелия испорченное дитя, плод вседозволенности, халатного отношения к литературе и печатному бизнесу, своего рода продукт запретных благ чтения. Книжки извратили некогда прекрасную и тонкую особу, имеющую прежде все шансы стать преданной женой и ласковой матерью, превратив в не самое достойное подобие мужчины. После Байрон не раз извинялся за тот вопиющий случай – он был пьян и взвинчен после очередной стычки с предметом своих рассуждений. Но Амелия его не простила и предпочла отплатить более изощрённым способом – хладнокровным равнодушием.

– Мне кажется или в словах дамы скрыта ирония? – низкий, но до дрожи приятный баритон раздался прямо за спиной дамы.

Она неспешно повернула голову, чтобы узнать кому тот принадлежал. Алан в это время просиял многозначительной улыбкой, а Даниэль, дёрнув плечом, отошёл в сторону и вскоре затерялся в толпе.

– Отнюдь, я нахожу политику весьма увлекательной темой. Вот только мужчины зачастую склонны сводить всю беседу к двум, по их мнению, неоспоримым аргументам: первый – все, кроме меня, неправы. И второй – будь я у руля, сделал бы куда лучше!

К этому моменту незнакомец уже обошёл собравшихся и встал рядом с Линчем, прямо напротив Амелии. Он был весьма неплох собой, правда, красота его заключалась не в правильности черт, а в обезоруживающей харизме. Высокий, статный, держался достойно, даже более чем. Волосы цвета вороньего пера, затейливо вились и были уложены на прямой пробор. Но самое притягательное во внешности – то, что Амелия оценила в первую очередь, – это глаза, смотрящие пылливо из-под тени длинных ресниц, с нескрываемой заинтересованностью. Но в то же время мисс Говард ни на секунду не сомневалась, что в момент бури эти пронзительно синие глаза становились темнее штормового моря и могли за считанные секунды поглотить всё сущее подле себя.

– Смелое заявление для юной и, смею предположить, невинной леди, – поддразнивая, произнёс мужчина, озарив собравшихся хитрой улыбкой.

– Оу, – игриво обронила Амелия, – увы, вынуждена разочаровать, я не так юна, как вам могло показаться, и уж точно не невинна.

Джентльмен удивлённо вскинул бровь, словно был потрясён до глубины души дерзким признанием дамы. Более пристально оглядел её с ног до головы, сохраняя молчание, и по завершению протянул руку. Говард намеренно медлила, с вызовом глядя джентльмену в глаза. Было нечто опасно возбуждающее в противостоянии двух, отдалённо напоминающих друг друга, характеров, и отказать себе в удовольствии растянуть волнительные мгновения Амелия не посмела. Но когда пауза слишком затянулась, ввергая в состояние неловкости всех наблюдавших за безобидной перебранкой, в беседу вступил Алан Линч.

– Дорогая мисс Говард, позвольте представить моего друга и партнёра, мистера Томаса Рэнделла.

Лишь после этих слов Амелия ответила американцу приветственным кивком и подала свою руку. Томас, почти не наклоняясь, поднёс к своим губам её пальцы, оставляя на них затяжной, но не выходящий за рамки приличия поцелуй – горячий и влажный.

– Безмерно рад нашему знакомству, позвольте заверить, вы ничуть меня не разочаровали. Даже напротив...

– Увы, не могу ответить взаимностью. Во всяком случае, пока... – с хищным прищуром ответила Амелия.

– Надеюсь, мне ещё выпадет шанс удивить вас.

Говард одобрительно кивнула, затем посмотрела на Линча и, присев в лёгком реверансе, обратилась к нему:

– Прошу меня извинить, мистер Линч. Я покину вас, нужно найти сестру.

Рядом стоявшие мужчины враз учтиво поклонились, после чего Амелия удалилась.

Отыскать Мэри оказалось не так уж сложно – она танцевала с мистером Уитмором. Отдав официанту опустевший бокал, старшая мисс Говард прислонилась к стене, ожидая окончания музыки. Почти сразу к ней подошёл мистер Байрон. Он выглядел довольно странно, возможно, был чем-то озадачен.

– И как вам новый друг мистера Линча? – спросил мужчина.

– Интригует, но лишь по причине новизны. Наши лица давно примелькались друг другу, оттого и столь бурный ажиотаж вокруг Рэнделла, – равнодушно ответила Амелия, по чистой

случайности сталкиваясь взглядом с обсуждаемым джентльменом, который безотрывно смотрел на неё.

– Ваше лицо не способно примелькаться, – тихо обронил Даниэль, чем заставил Говард посмотреть на него.

– Прошу прощения? – переспросила леди, чуть нахмурившись.

– Не хотите потанцевать? – словно растерявшись, детектив тут же сменил тему.

– Даниэль, давайте опустим любезности и избавим друг друга от неловкости. То, что мы находимся в одном помещении, вовсе не обязывает нас вести светские беседы или танцевать.

Байрон не успел ничего ответить, так как музыка закончилась, и Амелия ринулась вперёд, чтобы выудить из толпы сестру, полностью позабыв о существовании детектива.

– Мэри, попрощайся с мистером Уитмором, мы едем домой.

– Но почему так рано? – возмущённо запротестовала младшая Говард.

– Нам здесь больше нечего делать. Идём, – не обращая внимания на недовольство Мэри, Амелия вывела её из гостиной и попросила распорядителя подать экипаж.

Отъезжая от дома Линча, леди заметила на крыльце высокий мужской силуэт. Лицо джентльмена скрывали поля цилиндра и уже окутавший улицы Лондона сумрак. Но когда незнакомец вышел под свет фонаря, слегка приподнял шляпу указательным пальцем, а затем кивнул даме на прощание, Амелия тотчас его узнала. Это был Томас Рэнделл, и от его пристального взгляда по плечам и ключицам дамы пробежала будоражащая дрожь.

Дома сестры были ещё до полуночи.

Глава 3

"Не может жизнь по нашей воле течь.

Мы, может статься, лучшего хотим,

Но ход событий не предвосхитим".

Уильям Шекспир

– Почему отец не спустился к завтраку? – размешивая молоко в чае, спросила Амелия, наблюдая за тем, как Лиззи выставляла на стол тушёную фасоль вместо подрумяненного бекона.

– Не могу знать, мисс Говард. Я несколько раз стучала, приглашала к столу, но он лишь хрипел что-то неразборчивое. Войти без разрешения я не осмелилась.

– Он вчера никуда не выходил? – с подозрением уточнила хозяйка.

– Нет. Мистер Говард спускался лишь однажды, сразу после вашего отъезда. Требовал виски. Устроил скандал, когда я сказала, что спиртного в доме нет. Перевернул все шкафы в кабинете и на кухне, а затем ушёл в свою комнату, и больше я его не видела.

– Лиззи, а где же джем? – неожиданно вклинулась в разговор Мэри, – и я не вижу масла!

Горничная виновато опустила взгляд, переминаясь с ноги на ногу, и очень тихо ответила, словно страшась звука собственного голоса:

– Простите, мисс, запасы продуктов изрядно истошились...

– Что значит истошились? Так пополните их! – горделиво вздёрнув подбородок, Мэри бросила на прислугу возмущённый взгляд.

– Мисс Амелия? – жалобно протянула служанка, ища поддержки.

– Да-да, – махнув рукой, отозвалась старшая из сестёр, размышляя о чём-то своём. – После обеда съезжу в город и закажу доставку продуктов. Распорядитесь, чтобы заложили повозку к двум часам.

– Но почему ты должна заниматься этим? – продолжая негодовать, всплеснула руками Мэри, – для этого у нас есть...

– Кто? Слуги? – перебила её Амелия. – А ты не заметила, что из двух десятков их осталось лишь трое?

– Но, сестра, это унижительно. Леди твоего происхождения не пристало ходить по рынкам и мясным лавкам...

Амелия, на миг потеряв контроль над эмоциями, ударила ладонью по столу, отчего по комнате прокатился дребезжащий звон столовых приборов.

– Ради бога, Мэри! Неужели ты настолько глупа или, быть может, слепа? Разве не видишь, в каком щекотливом положении мы оказались? Из-за отцовских долгов у нас в скором времени могут отнять дом, а ты переживаешь о том, что скажут фешенебельные барышни о моём визите к мяснику?

Мэри вздрогнула, потрясённо глядя на сестру. Прежде ей не доводилось видеть Амелию в таком состоянии. Старшая Говард всегда сохраняла лицо, какой бы сложной ни была ситуация, но сегодня истинные чувства вырвались на свободу, хлёткой пощёчиной слов ударив доселе беззаботную девицу.

Стыдливо опустив взгляд, Мэри молча приступила к завтраку, до конца которого более никто не проронил ни слова.

Ровно к назначенному времени Амелия вышла на крыльцо. Из-за угла показался экипаж, который в скором времени обогнал посыльный на лошади. Остановив кобылу, бодро отстукивающую копытами по земле, поднимая в воздух дорожную пыль, мужчина поприветствовал леди кивком и спешил.

– Доброго дня, мисс. Мне нужно передать письмо мистеру Говарду.

– Я его дочь, вы можете отдать письмо мне, – спускаясь по ступенькам, отозвалась Амелия, разглядывая нежданного визитёра.

– Боюсь, послание конфиденциально. Судья Байрон поручил проследить за доставкой лично.

Переложив перчатки из правой руки в левую, Амелия внимательно оглядела юношу и, тяжело вздохнув, покачала головой.

– Мистеру Говарду нездоровится. Я как раз собираюсь в город за семейным доктором. К сожалению, он не сможет вас принять.

Чуть слышно всхлипнув, девушка заглянула посылному в глаза. Её плечи задрожали, в глазах появились слёзы.

– Прошу прощения! – тут же отвернувшись, Амелия прикрыла губы ладонью, изображая скорбь. – Вам наверняка достанется за невыполненное поручение, но ничем не могу помочь...

Молодой человек, смутившись, склонил голову, уронив взгляд на землю. Некоторое время он молчал, не зная, как поступить: то ли броситься успокаивать молодую леди, то ли отдать ей послание. Из раздумий его вывел голос мисс Говард. Она, демонстративно смахнув со щеки слезинку, тягостно вздохнула и подошла ближе.

– Я поставила вас в неловкое положение, извините. Вы не должны чувствовать вину за мои слёзы, – добродушно улыбнувшись, девушка коснулась пальцев юноши, сминающих письмо. – Мне нужно ехать, времени всё меньше. Передавайте судье наши извинения и личную просьбу не гневаться на вас.

Слегка сжав чужую руку, Амелия разорвала прикосновение и медленно, словно ей было трудно переставлять ноги, направилась к своей повозке.

– Мисс Говард, постойте! – окликнул её посылный.

Леди хищно усмехнулась, довольная исходом представления, но когда обернулась, миловидное личико вновь исказила гримаса глубочайшей печали.

– Пообещайте, что передадите письмо отцу и никто не сможет изучить его содержимое.

– Даю вам слово, сэр, – почтительно склонилась Амелия, протягивая руку, в которой тут же оказался конверт.

– Сопереживаю вашему несчастью, но когда мне вернуться за ответом?

– Через пару дней, не ранее.

Молодой человек понимающе кивнул, после чего вернулся к лошади и, ловко её оседлав, уехал.

Как только всадник скрылся из виду, Амелия направилась в дом. Она спешно удалилась в кабинет, не удостоив ответа Лиззи, которая пыталась выспросить у хозяйки о предмете разговора с посылным. Там, на столе, среди документов и счетов, мисс отыскала нож для бумаги, лёгким движением вскрыла конверт и достала из него белоснежный лист плотной бумаги с гербом уголовного суда Олд-Бейли. Из письма следовало, что её отец взял займы у судьи Байрона крупную сумму и давным-давно просрочил все сроки по выплатам. Мало того, Байрон несколько раз давал ему отсрочку, предлагал разбить долг на части, писал письма, но все они остались без ответа. Теперь же судья решил взыскать заёмные средства одновременно, угрожал Джорджу Говарду иском и публичным позором.

Округлых плеч, обжигающим пламенем, коснулась ярость. Не трепетно, не нежно, а грубо и властно, стремительно распространяясь по рукам, шее и ключицам, облизывая огненными языками грудь. Амелия сжала в руке письмо, превращая его в бесформенный клочок бумаги. Её дыхание участилось, отчего корсет болезненно впился в рёбра. Голова закружилась, а глаза заволокла пелена гнева. Всё, о чём могла думать девушка, всё чего она желала в сей миг, – это подняться к отцу в спальню и вцепиться тонкими пальцами в морщинистую шею, сжать её до хруста, покончить раз и навсегда со всеми проблемами! У неё не осталось к этому

человеку ни любви, ни сострадания. Даже снисходительной жалости он был недостоин. некогда уважаемый джентльмен, успешный владелец печатного бизнеса превратился в несносного, жалкого пьяницу! Да, его боль была понятна и проста – он оплакивал умершую супругу. Но прошло столько лет! У Говарда остались две дочери, требующие определённой ответственности и помощи, а он продолжал пить, тратить деньги на азартные игры и проституток, камнем на дно увлекая в пучину нищеты и позора своё семейство. Именно по его вине Амелии пришлось очень скоро повзрослеть, забыть про романтические женские радости, заняться воспитанием младшей сестры, озадачиться её будущим. Старшая Говард была вынуждена обучиться искусству лжи и лицедейства, дабы утаивать от общественности бедственное положение дел. Разобраться с правилами ведения бухгалтерии, познать тонкости управления поместьем, подобрать Мэри удачную партию. Девушке регулярно приходилось выискивать деньги, иногда обманом, но чаще хитростью. Заводить знакомства исключительно ради выгоды, а не по личным симпатиям. Играть роль, тысячи ролей, постепенно теряя среди них саму себя.

Рванув с места, Амелия наотмашь открыла дверь и вышла в коридор, направляясь к лестнице, ведущей на второй этаж. По пути ей снова попалась горничная, но Говард и не взглянула в её сторону, пронесаясь озлобленным вихрем мимо.

В комнату отца она вошла без стука. Джордж лежал на постели, уткнувшись лицом в подушку, что-то бормоча во сне. Шторы в комнате были плотно задёрнуты. Всюду разбросана грязная одежда. Воздух затхлый, неприятный, точно в портовой таверне.

Еле сдержав утробное рычание, мисс проследовала к окну и распахнула тяжёлые занавески, впуская в спальню солнечный свет.

– Какого чёрта? – хрипя, отозвался её отец и, растерев заплывшие глаза, неуклюже перекатился набок.

От него несло перегаром и, кажется, мочой. Амелия поморщилась, подавляя рвотные позывы, подошла к постели и швырнула в лицо родителю измятое письмо Байрона.

– Вы заняли у судьи деньги. Когда? – процедила сквозь зубы девушка.

Её взгляд был прожигающим насквозь. Как раскалённый металл, он клеймил позорным презрением.

– Что? Какие деньги? Я не понимаю, о чём ты! – попытался отмахнуться Джордж, натягивая на себя покрывало, прячась от солнечного света.

– Прочтите письмо, отец! – сорвалась на крик Амелия.

Понимая, что дочь не оставит в покое, пока не получит желаемого, мистер Говард принялся шарить руками по одеялу в поисках послания. Отыскав, дрожащими пальцами он распрямил листок, вглядываясь в буквы, но из-за тяжёлого похмелья слова расплывались, а смысл их, сколько бы мужчина ни перечитывал, оставался неясным.

Откинув записку в сторону, Джордж рухнул на подушку, прикрывая глаза.

– Ужасно болит голова, давай обсудим этот вопрос за ужином...

– За ужином? – возмущённо прошипела Амелия. – А на какие средства кухарка должна купить продукты? Мы банкроты, отец! Я из кожи вон лезу, чтобы выдать Мэри замуж, хоть как-то свести концы с концами и сохранить поместье. А вы продолжаете пьянствовать и влезать в долги? Я спрашиваю в последний раз: когда вы взяли ссуду у судьи?!

– Да не помню я! – закашлявшись, пробормотал мужчина. – Что ты хочешь от меня, Амелия? Ваша мать...

– Не смейте говорить о моей матери! – дочь оборвала главу семейства на полуслове. – Иначе я за себя не ручаюсь!

Некоторое время оба молчали. Амелия пыталась собраться с мыслями, обдумывая, каким образом отложить взыскание заёмных средств. Джордж попросту не знал, что сказать.

– Если ты хочешь, я съезжу к Байрону завтра и попрошу ещё об одной отсрочке, но мне нужно выспаться, – устало просипел мужчина.

– Посмотрите на себя... С вами и свиньи в загоне не захотят говорить!

Амелия обречённо усмехнулась. Её голос прозвучал значительно тише, но был насквозь пропитан сводящим скулы отвращением.

– Я всего лишь подумал...

– Нужно было думать раньше, многим раньше. С судьёй я решу вопрос сама!

С этими словами леди вышла из покоев Джорджа, спустилась вниз и, отдав распоряжение Лиззи запереть комнату отца на ключ, отправилась в Лондон.

Глава 4

**"Ведь щеки шлюхи, если снять румяна,
Не так ужасны, как мои дела
Под слоем слов красивых..."**
Уильям Шекспир

Около трёх часов экипаж Амелии прибыл в Лондон. Извозчик сразу же уточнил у хозяйки по какому адресу следовать. Говард на мгновение задумалась, но вскоре велела доставить её к зданию редакции газеты "The Illustrated London News".

Остановившись на противоположной стороне улицы, кучер получил указание ждать завтра в полдень возле Гордон-сквера и, как-только Амелия вошла в здание, уехал.

В редакции, как всегда, было многолюдно и суетливо. Сроки горели, сотрудники были на пределе эмоционального срыва. Множество мужчин, слоняющихся туда-сюда, размахивали исписанными листами, спорили или, напротив, молили о тишине. Писатели, журналисты, корректоры, художники-иллюстраторы, печатники – "The Illustrated London News" походил на муравейник, с одним отличием: при взгляде на служащих газеты не возникало ощущения, что они работали в одной команде.

Осматриваясь не без интереса, Амелия прошла в основной зал. На неё тут же обратил внимание юноша, судя по всему, секретарь.

– Чем могу помочь, мисс? – поинтересовался молодой человек, пытаясь перекричать гул басовитых голосов.

– Мне нужен Джозеф Фостер, – ответила Амелия, но собеседник, кажется, её не расслышал.

– Простите, главный редактор час назад велел заменить первую полосу и основной разворот уже подготовленного к печати издания, поэтому здесь такой хаос. Совсем как на фабрике по производству свечей! Повторите, пожалуйста, к кому вы пришли? – Джентльмену пришлось подойти к Говард очень близко и наклониться, подставляя ухо прямо к девичьим губам, дабы ей не пришлось кричать.

– Джозеф Фостер, – повторила Амелия.

– Да, кажется, мистер Фостер как раз у шефа. Будьте любезны, присядьте, я посмотрю, – юноша указал на небольшой диванчик в углу, который был почти полностью завален стопками газет.

Говард кивнула с благодарностью, но садиться не стала, просто отошла в сторону, чтобы не загоразживать проход и не мешаться под ногами.

Спустя десять минут из кабинета главного редактора выглянул Джозеф. Он чуть заметно улыбнулся, поймав взгляд любовницы, и вновь скрылся за дверью, но ненадолго. Уже через несколько секунд мужчина вышел в основной зал, подошёл к кому-то из коллег, что-то шепнул тому на ухо и, забрав пальто, ринулся к выходу.

– Прости, что пришлось ждать, – подойдя к Амелии, Фостер потянулся, чтобы поцеловать девушку в щёку, но она отпрянула назад и поспешила выйти в холл.

Досадливо вздохнув, Джозеф направился следом. Догнав Амелию на лестнице, он поймал её за запястье, заставляя остановиться. Журналист сразу заметил, что мысли возлюбленной далеко, она выглядела огорчённой и потерянной. Взгляд милых глаз, обычно сияющий пуще солнца в зените, поблек, движения были резкими, надломленными, да и тот факт, что Амелия пришла в редакцию лично, хотя всегда была против публичного появления вместе, говорил о многом.

– Что случилось? – обеспокоенно осведомился джентльмен, спускаясь ниже на ступеньку, прижимая женскую ладонь к своей груди.

Амелия взволнованно пробежалась по его лицу взглядом, затем прикрыла глаза и тяжело вздохнула.

– Мы можем остаться наедине?

– Конечно, – растерянно кивнул Фостер. – Поедем в наше место?

– Да, если ты не обременён делами, – удрученно прошептала она.

– Амелия, для тебя я всегда свободен, ты же знаешь...

По пути в Кенсингтон-парк – спальный район, где журналист снимал квартиру под чужим именем как раз для подобных встреч, Амелия рассказала про письмо, про долги и в целом о своём бедственном финансовом положении. Безусловно, Джозеф и без того знал, что дела у Говардов идут не важно, но всегда учтиво отмалчивался на сей счёт, дабы не ставить девушку в неловкое положение.

В дом вошли по очереди. Сначала дама, а спустя десять минут джентльмен. Квартира представляла собой просторные апартаменты на третьем этаже – гостиная-столовая, две спальни, будуар, каминный зал и он же комната для чтения. Первый этаж занимала прислуга, на втором жил домоправитель, надёжный человек, так что сплетен и пересудов можно было не опасаться. И всё же любовники всегда придерживались определённых правил, на которых настаивала Амелия.

Направившись с порога в спальню, Говард сняла шляпку, бросив её на комод, стянула с рук перчатки и вытащила из волос шпильку-лилию, запустив в упругие кудри пальцы, массируя виски. Затем в очередной раз тягостно вздохнула и подошла к окну, обняв себя за плечи.

Медленно ползущие по свинцовому небу тучи, тяжёлые и всклокоченные порывистым ветром, обещали дождь.

Джозеф в это время отдавал распоряжения прислуге. Он попросил затопить камин, подать в гостиную чай и приготовить ужин на две персоны, так как пара решила остаться вместе до утра. Когда мужчина вошёл в спальню, Амелия всё ещё стояла у окна, погружённая в собственные мысли.

– Нам скоро принесут чай, а к семи накроют стол. Всё как ты любишь, ростбиф с овощами и ягодный пудинг, – сообщил журналист, проходя вглубь комнаты.

– Благодарю, – отстранённо ответила Амелия, даже не обернувшись.

Некоторое время Джозеф молчал. Он снял пиджак, жилет, освободил шею от галстука. Несколько раз прошёлся по комнате туда-обратно и, не выдержав гнетущей тишины, в пару шагов приблизился к любовнице, кладя ладони на её изящные плечи.

– Послушай, сколько твой отец должен судье? Я готов помочь с выплатой.

– Ну уж нет, – тотчас отмерла Говард, смерив Фостера возмущённым взглядом. – Хватит на моей памяти и одного обанкротившегося писаки.

– Амелия, на этот раз тебе не справиться самой. Давай будем реалистами!

– О, как кстати ты заговорил про реализм! Джозеф, ты бесспорно успешный журналист, но как долго продлится твоя слава?.. У тебя нет именитых родственников или расположенного к твоей персоне покровителя, только талант! А вкусы публики весьма переменчивы. Так что не трать деньги попусту и держи свой кошелёк при себе.

Кажется, высказывание мисс Говард задело Фостера. Он осязательно напрягся, отвёл взгляд в сторону, а его губы превратились в узкую полоску, почти полностью исчезнув с лица. Заметив это, Амелия раздосадованно закатила глаза и, коснувшись подбородка любовника кончиками пальцев, заставила его посмотреть на себя.

– Но кое с чем ты действительно можешь помочь...

Вновь повернувшись к Джозефу спиной, леди перебрала волосы на одну сторону.

– С платьем. Эти новые французские защёлки... Никак с ними не разберусь!

Разумеется, сказанное леди было ложью. Амелия прекрасно управлялась со своими нарядами, но ещё она наверняка знала, что столь незначительное действие сможет расслабить мужчину и отвлечь его от тягостных мыслей.

Ничего не отвечая, журналист шагнул ближе. Его руки прошлись вдоль женской спины, начиная расстёгивать крючки. Спустя несколько секунд дорогая парча разошлась в стороны, и без лишнего стеснения Фостер забрался под ткань дрожащими в предвкушении пальцами, словно открывал увлекательную книгу. Медленно стянув платье, джентльмен оставил Амелию в плотно затянутом корсете, надетом поверх тонкой сорочки длиной до щиколоток.

Амелия почувствовала на своей шее обрывистое дыхание. Подавшись назад, она прижалась к любовнику ягодицами, ощущая, как реагирует его тело даже на незначительные покачивания бёдрами. Джозеф гулко выдохнул и, положив руки на тонкую талию, скользнул ладонями вперёд, смыкая их на животе. Женского плеча коснулись горячие губы. Леди, отвечая на ласку, прогнулась в пояснице. Журналист снова захлебнулся вдохом, еле сдерживаясь, чтобы не задрать юбку любовницы и не овладеть её телом немедленно.

– Знаешь, если ты примешь моё предложение, то больше не будешь обременена отцовской фамилией, как и его долгами, – касаясь нежной кожи языком, возбуждённо прошептал мужчина. – Мэри мы заберём под своё крыло, а старик пусть сгинет вместе со своим помещением...

Руки Фостера поднялись выше, очертили округность груди и легли поверх, требовательно сжимая женские прелести.

– Ты обретёшь независимость, Амелия. Позволь мне подарить тебе независимость...

– Независимость? – Говард нервно вздрогнула.

Схватив любовника за оба запястья, она небрежно скинула с себя его ладони, затем развернулась лицом, глядя исподлобья.

– Ты хочешь подарить мне независимость, надев на палец обручальное кольцо? Какой абсурд!

Сделав уверенный шаг вперёд, Амелия вонзила в грудь Фостера ногти, заставляя его отступить назад, пока тот не повалился на кровать.

– Заговоришь о замужестве ещё раз, и я больше никогда не позволю тебе к себе прикасаться! – забираясь поверх мужчины, прошипела гадюкой леди.

Что-то пугающее промелькнуло во взгляде её кофейных глаз, что-то близкое к безумию...

– Чёрт возьми, Амелия, я же люблю тебя... – приподнимаясь на локтях, обречённо прохрипел журналист.

Утробно зарывчав, Говард принялась спешно расстёгивать брюки любовника, да так, словно от этого зависела жизнь обоих.

– Амелия... – попытался успокоить её Фостер, перехватывая тонкие пальцы, – посмотри на меня! Ты слышала, что я сказал?

– Что подаришь мне независимость? – бросив на Джозефа остервенелый и полный презрения взгляд, женщина продолжила сражение с пуговицами.

– Нет! Что я... – но тут её тёплая рука коснулась возбуждённой плоти, не позволяя Фостеру закончить фразу. – Ты дьяволица... – простонал он, рухнув на спину, прикрывая глаза от удовольствия.

– Я знаю, – самодовольно усмехнулась Амелия, задирая собственный подол.

Когда возбуждение мужчины почти достигло апогея, он поднял голову, глядя на любовницу голодным взглядом. Амелия Говард была его проклятием, ахиллесовой пятой. Джозеф не мог противиться её воле, не мог противостоять своим чувствам. Эта женщина единолично владела не только телом джентльмена, но и его разумом, сердцем, душой. Ради неё Фостер был готов на всё... абсолютно на всё.

– Запомни, мой милый друг, мне не нужно быть чьей-то дочерью или женой, чтобы быть независимой, – гневно выплюнула леди, приподнимаясь на коленях, а затем резко опускаясь, выпуская любовника в себя.

От неожиданности Джозеф вскрикнул, хватаясь пальцами за женские плечи, но Амелия яростно приказала: "Не смей!", и сбросила его руки. Фостер безропотно повиновался, опускаясь на спину. Придерживаясь за кованое изголовье, Говард начала двигаться, да столь грубо и резко, что кровать заскрежетала ножками по паркетному полу, оставляя отметины.

– Амелия, что ты делаешь? Медленнее, прошу тебя... – пытаюсь придержать стройные бёдра, с каждой секундой набирающие темп, просипел мужчина, но Говард и не думала останавливаться, она словно совсем обезумела. – Медленнее! Пожалуйста...

Лицо журналиста исказилось почти страдальческой гримасой. Он боялся излиться раньше положенного, но совершенно внезапно Амелия громко взвыла и откинулась назад, опираясь на вытянутые руки. Её тело содрогнулось, затем ещё раз и ещё. С губ сорвался протяжный стон. Глаза закрылись. Леди замерла, наслаждаясь раскатистыми волнами удовольствия, в то время как Джозеф смотрел на неё потрясённо, не смея пошевелиться.

Спустя некоторое время Амелия встала с постели и, как ни в чём не бывало, накинула на плечи белоснежный шёлковый пеньюар, – Фостер подарил его любовнице пару месяцев назад. Взбив волосы пальцами, она мельком глянула на своё отражение в зеркале и молча направилась к выходу.

– Амелия, – окликнул её Джозеф, не понимая, что происходит. – Куда ты?..

Мисс Говард повернула голову, глядя на мужчину через плечо, и, ехидно улыбнувшись, ответила:

– Как куда? Пить чай, разумеется. Это ли не есть проявление независимости?

С этими словами Амелия вышла из комнаты. А Джозеф, отрицательно покачав головой, громко и почти истерично рассмеялся ей вслед. Конечно же, позже Фостер получил свой утешительный приз. После вкусного ужина, двух бутылок вина и идеи, куда более завлекательной, нежели замужество.

Журналист предложил любовнице опубликовать её роман под мужским псевдонимом. В случае успеха, по его подсчётам, гонорар за первую книгу должен был покрыть большую часть отцовского долга. За вторую – полностью его погасить. А за третью – решить вопрос со счетами и жалованием прислуги. Говард обещала подумать, а Джозеф – взять на себя все расходы по корректуре и переписи рукописи мужской рукой для пушией убедительности.

Глава 5

**"А впрочем, что ж, на свете нет чудес:
Как волка ни корми, он смотрит в лес".**

Уильям Шекспир.

– Нужно выбрать псевдоним, – задумчиво шурясь, сказал Джозеф за завтраком.
– Может, что-то французское? – улыбнулась Амелия, вертя в руках вилку.
– Французское... – нарочито протянул Фостер. – Ты пишешь детективные романы, вряд ли французы на такое способны.

– В том и интрига, разве нет? – усмехнулась Амелия, затем ненадолго прикрыла глаза, пробуя на вкус имя, что пришло ей в голову, вскоре озвучивая его вслух: – Филипп Ларанш...

Джозеф брезгливо скривился:

– Слишком французское, но если тебе нравится...

– Мне нравится, – уверенно кивнула Говард.

Через час любовники простились. Амелия, как было заведено, покинула квартиру первой, Фостер уехал спустя двадцать минут.

К зданию суда Говард прибыла ещё до полудня. Под пристальными взглядами мужчин, которые не привыкли видеть дам в святая святых, она уверенной поступью поднялась на второй этаж и, отыскав кабинет Питера Байрона, негромко постучалась.

– Войдите, – сипло отозвался судья.

Немедля леди толкнула дверь и прошла в мрачное помещение, которое, несмотря на огромные окна, угнетало: слишком много красного дерева и тёмных цветов в отделке.

– Мисс Говард? – вытягивая гласные, отозвался судья, поднимаясь на ноги.

До вторжения посетительницы мужчина сидел за столом, изучая материалы по новому делу. Облачённый в чёрную мантию и седовласый парик ниже плеч, он смерил девушку взглядом и чуть заметно ухмыльнулся одним уголком почти бесцветных губ. На мгновение Амелии показалось, что судья удивился её приходу, но взглядевшись в сизые глаза, леди поняла: он ждал именно её.

– Судья, – учтиво кивнув, Говард улыбнулась самой очаровательной улыбкой, имеющейся в своём арсенале, и, прикрыв дверь, сделала пару мелких шагов по направлению к мужчине.

– Чем обязан столь неожиданному, но, смею заметить, приятному визиту?

Слово "неожиданному" прозвучало особенно неискренне.

Питер Байрон жестом предложил даме присесть в кресло для посетителей, что стояло по другую сторону от его письменного стола.

– Благодарю.

Амелия изящно опустилась на парчовую обивку, сняла перчатки и положила их на колени. Судья внимательно оглядел гостью, выдержал паузу, а затем вопросительно кивнул, намекая на то, что готов узнать причину её прихода. Облизнув губы, Говард сделала глубокий вдох и приступила к изложению сути вопроса.

– Вчера после обеда к нам приезжал посыльный, он передал письмо, – взгляд Байрона тотчас изменился, в нём появилась алчная заинтересованность. – Ваша Светлость, я и понятия не имела о деяниях своего отца.

Изобразив вполне правдоподобные душевные стенания, мисс Говард неожиданно встала на ноги, прикрывая нижнюю часть лица ладонью, и отвернулась. В звенящей тишине раздался женский всхлип.

– Какой позор. Неслыханная низость, обидеть столь благородного человека...

Байрон, наблюдая за представлением, вальяжно откинулся на спинку стула. Не добившись от мужчины ответных реплик, Амелия вновь посмотрела на него, трагично шмыгнула носом и, вернувшись к столу, опёрлась на него ладонями.

– Если бы я только знала... – прошептала она, на что судья почти по-отцовски улыбнулся.

– Боюсь, что ваша осведомлённость, мисс Говард, никак не повлияла бы на положение дел.

– Отнюдь, – хлопая ресницами, встрепенулась девушка. – Понимаете, горестно говорить такое про родного отца, но мистер Говард не в себе. После смерти матери его рассудок помутился. Я долгие годы скрывала правду, дабы сохранить доброе имя своей семьи. И знай я, что он планирует занять у вас средства, непременно бы воспрепятствовала.

– Хм... – судья задумчиво почесал подбородок, а затем вновь указал Амелии на кресло, леди послушно в него опустилась. – Когда я передавал вашему отцу деньги, он не выглядел сумасшедшим. Потрёпанным, разбитым – да, но при здравом уме.

– Со всем уважением, я вынуждена заверить, что вы ошиблись. Отец весьма быстро приспособился к своему недугу, порой мне и самой не разглядеть его безумия. Но, к огромной печали, правда такова.

– Прискорбно... – понизив голос, тягостно вздохнул мужчина.

Питер Байрон уже более десяти лет был верховным лондонским судьёй. На пост его назначила сама королева Виктория по рекомендации членов судебной комиссии, выдвинувшей кандидатуру Байрона единогласно. Богоугодный человек. Благочестивый супруг, ныне вдовец. Отец, воспитавший сына, которым по праву мог гордиться, ведь тот пошёл по стопам родителя, встав на сторону закона и правосудия. Сего господина уважали, боялись, перед ним благоговели. Но, в данный момент, рассматривая испещрённое морщинами лицо, Амелия ощущала удушливое замешательство. Что-то было не так, взгляд судьи был чрезмерно пристальным, он смотрел на неё так, словно примерялся...

– Так зачем вы пришли, Амелия? Просить об отсрочке? – мужчина вышел из-за стола и неспешно прошёлся по комнате, останавливаясь где-то позади Говард.

– Да, если Ваша Светлость сможет найти в своём сердце толику сострадания. Я не отказываюсь от долга, но мне нужно время.

Половицы вновь закрипели под тяжестью веса мужчины. Обернуться Амелия не решилась, понимая – сия партия безнадежно проиграна. Судья раскусил её, смог прочесть. А может быть, дело было в другом?

– Вы же знаете, мы все любили вашу мать. Она была потрясающей женщиной. Мне и самому довелось пережить супругу, я понимаю, как нелегко пришлось Джорджу, – Байрон прочистил горло, подходя ближе, положив на плечи девушки истерзанные временем руки. – Я бы мог простить вашему отцу всю сумму разом и убережь его от позора...

Амелия напряглась, распрямив спину, – слишком щедрым было предложение. Она никогда не верила в добросердечность и бескорыстие, тем паче в высшем свете.

Прикосновения судьи были неприятны, но леди находилась не в том положении, дабы перечить, поэтому продолжала смиренно сидеть, несмотря на острое желание отстраниться.

– Но?... – улавливая в словах мужчины недосказанность, спросила она.

Байрон властно сжал пальцы, наклоняясь так низко, что Амелия смогла почувствовать его сиплое дыхание на своей шее.

– Но взамен вы станете моей любовницей...

Говард резко подскочила на ноги, оборачиваясь, глядя на шестидесятилетнего старика с неприкрытым возмущением. Образ достойного джентльмена, коим прослыл судья в обществе, вмиг превратился в дорожную пыль. Истинная личина развратника и прелюбодее сверкнула хищной ухмылкой на его лице.

– Да как вы смеете?!

– Ах, Амелия, оставьте! К чему эта драма? Или, быть может, вы смеете утверждать, что до сих пор невинны? – хрипло рассмеялся судья, делая широкий шаг вперёд.

– Вы не имеете права... – начала было девушка, но Байрон оборвал её на полуслове, прижав к чувственным губам указательный палец.

– А вы не имеете средств к существованию, но эту проблему я могу с лёгкостью решить. Вам лишь нужно согласиться.

Судья угрожающе навис над Амелией, прижимая её бёдра к столу. Его палец прошёлся вдоль нижней губы девицы и попытался скользнуть внутрь, но Говард крепче сжала зубы и резко дёрнула головой.

– Ну что же ты, милочка... – криво усмехнулся Байрон, укладывая руку на женскую талию.

– Скажи да, и я положу Лондон к твоим ногам...

– Уберите от меня свои грязные руки, сэр, – сквозь зубы процедила Амелия, – иначе я закричу!

– Кричи, я люблю, когда женщины кричат, – содрогаясь от похоти и возбуждения, прошипел мужчина, прикладываясь морщинистыми губами к бархатной шее загнанной в угол женщины.

Глава 6

**"Нетронутое имя, генерал,
Для женщин и мужчин всего дороже.
Кто тащит деньги – похищает тлен".
Уильям Шекспир**

Обветренные, горячие губы терзали шею Амелии, оставляя на мраморной коже влажные следы. Ладони судьи неистово шарили по молодому телу, пытаясь прочувствовать его тепло под многослойными одеждами.

Говард закрыла глаза. Ей нужно было немного времени, чтобы осознать, принять происходящее и сделать выбор. Байрон слыл очень могущественным человеком, таких покровителей стоило ценить и восхвалять, а врагов до смерти бояться. Девушка прекрасно понимала, что в данную минуту решалась не только её судьба, но и младшей сестры.

– Прошу вас, остановитесь, – жалобно прошептала Амелия, пытаясь хотя бы словом повлиять на беспорядочное блуждание требовательных рук, цепляющих пальцами кружева.

Байрон слегка отклонился назад, всматриваясь в покрасневшее лицо кредиторши, надменно усмехнулся и заговорил таким тоном, словно перед ним стояла не благовоспитанная леди, а портовая шлюха.

– Не строй из себя святую невинность! Я прекрасно знаю, что спрятано под этими тряпками. Ты не лучше любой девки с Ковент-Гарден.

Слова судьи хлёсткой пощёчиной ударили по женскому самолюбию. Да, Амелия Говард не была святой, не хранила честь до брака, но, стоит заметить, и замуж не собиралась. Не только в угоду собственных убеждений или стремлению к независимости, но и по причине отсутствия достойного, равного ей по силе духа мужчины.

"Лондон ещё не подарил миру джентльмена, способного вынести меня", – сказала она однажды, отшучиваясь, когда мистер Линч в очередной раз по-дружески справлялся о делах сердечных одной из самых красивых женщин Англии.

Где-то под рёбрами вспыхнул фитиль гнева и молниеносно сторел, осыпая множеством искр гордыню. Яркой вспышкой в районе солнечного сплетения взорвалась злость, распространяясь безудержной волной по всему телу. Говард прогнулась в спине, насколько позволял корсет и, упершись в грудь Байрона ладонями, с силой отпихнула его назад.

– Я не позволю! – вскрикнула леди, глядя на мужчину глазами, полными ядовитой ненависти.

– А Фостеру позволили, – криво усмехнулся судья, отчего морщины ещё сильнее проступили на левой стороне его лица, делая его непропорциональным, напоминающим оплавленную свечу с уродливо застывшим воском.

– Не понимаю, о чём вы! – фыркнула Амелия намереваясь уйти, но судья поймал её за руку, сжимая пальцы до скрипа кожи на побелевших костяшках.

– Я знаю, что этот третьесортный писака ваш любовник, можете не отрицать!

Леди сомкнула невольно задрожавшие губы. Байрон похотливо вскинул бровь, слегка закатив глаза, представляя Говард обнажённой в объятьях молодого журналиста, а затем и в собственных.

– Я не против, – сишло протянул мужчина, коснувшись себя в районе паха, оттягивая книзу брюки. – Пока вы покорны, можете оставлять сию игрушку при себе. От вас супружеской верности я не требую. Но учтите, когда ляжете со мной, сделаете всё так, как будет велено. Я не потерплю упрямства и вероломства!

Амелия застыла в изумлении. Оказывается, Байрон и мысли не допускал, что ему могут отказать. Сияясь подавить клокочущую внутри ярость, Амелия коротко выдохнула и, горделиво вздёрнув подбородок, шагнула к мужчине. Он всё ещё сжимал тонкое запястье, причиняя боль, но девушка более не обращала на неё внимания, ею полностью завладела ненависть. Ведь, куда болезненнее физических мук терзалось задетое самолюбие.

Выдержав многозначительную паузу леди, неожиданно для судьи, широко улыбнулась. Вот только взор её пылал отвращением и брезгливостью.

– Что же, я не стану лгать. Мистер Фостер и вправду мой любовник. Буквально вчера мы занимались любовью целую ночь. О, знали бы вы, Питер, что он делал со мной...

Амелия заметила, как желваки на скулах Байрона задрожали. Он тяжело выдохнул через рот. Воздух из его лёгких вышел с усилием и еле слышным свистом.

– Поверьте, столь искусной любовницы, как я, у вас никогда не было. Заверяю, ни одна девка с Ковент-Гарден со мной не сравнится... – леди подалась ещё сильнее вперёд и почти коснулась своими пухлыми губами губ старика.

– Мисс Говард, – заикаясь от возбуждения, еле вымолвил Байрон, – будьте уверены, я отдаю все ваши умения...

– Боюсь, что нет, милорд. Вам никогда не доведётся испытать сладких утех в моей постели, – завлекаяще, будто флиртуя, прошептала Амелия, но её глаза с неприкрытым презрением насмеялись над старым развратником.

Чёрта с два! Она не подчинится его воле, не позволит пасть себе столь низко!

Не сразу, спустя пару ударов сердца, глаза судьи округлились. Амелия отказала? Несмотря на угрозы пустить по миру, лишит будущего младшую сестру и всех, кто ей дорог, включая Джозефа Фостера? Она отказала?!

– Неблагодарная потаскуха! – взревел Байрон, дёргая мисс на себя, в желании швырнуть её к окну.

Внезапно дверь кабинета распахнулась, впуская в помещение голоса из коридора. На пороге стоял сын судьи – Даниэль. В его глазах застыло искреннее непонимание. С одной стороны, Амелия Говард и Питер Байрон нарушили все приличия своей безусловной близостью. Но с другой, детектив сразу заметил озлобленный оскал отца и испуганное выражение лица дамы, тем не менее, глядевшей на старика с вызовом.

– Что здесь происходит? – опуская этикет, требовательно спросил Даниэль, переводя взгляд со своего родителя на Амелию и обратно.

Мисс Говард резко одёрнула руку, высвобождаясь из цепких пальцев Байрона-старшего, и, бросив на него последний уничижительный взгляд, направилась к выходу. Проходя мимо детектива, она задела его плечом, но даже не извинилась, молча выскочив в коридор.

– Отец? – теряясь в догадках, настаивал на объяснениях Даниэль, но судья лишь гневно тряхнул головой, не собираясь ничего комментировать.

Тогда детектив глянул вслед Амелии, она ещё не успела скрыться из виду, и мужчина ринулся вдогонку.

– Мисс Говард, постойте!

– Не сейчас, Даниэль! – сбивчиво отозвалась леди, ускорившись.

Джентльмен нагнал её в три широких шага и поймал за локоть, заставляя обернуться. Его прикосновение не было грубым и не несло в себе никаких непристойных намёков, и всё же Говард вспыхнула.

– Отпустите меня, немедленно!

– Я лишь хотел узнать... – попытался объяснить детектив, но девушка внезапно почти истерично рассмеялась.

– Надо же, а вы, оказывается, не такой тюфяк, Байрон. Яблоко, всё же, укатилось не так далеко от дерева. Не так ли?

– О чём вы? – нахмурился Даниэль.

Амелия глянула на руку мужчины, всё её удерживающую её за локоть.

– Не можете получить желаемого миром, применяете силу?

Байрон-младший возмущённо вскинул брови, невольно сжав пальцы сильнее.

– Вы забываетесь, мисс Говард. Мой отец...

– Леди велела её отпустить! – раздался спокойный, но властный мужской голос.

Амелия повернула голову на звук. Чуть поодаль от них стоял Томас Рэнделл. Джентльмен, как всегда, был одет с иголочки. Тёмно-синий бархатный камзол, белая рубашка, шёлковый галстук кобальтового цвета в тон жилету, тёмные брюки, начищенные до блеска туфли, высокий цилиндр и трость в правой руке. В его глазах застыло требовательное предупреждение, не открытая угроза, и всё же нечто давящее на собеседника авторитетом. Но когда мужчина перевёл взгляд на Амелию, его губы чуть дрогнули в намёке на лёгкую улыбку. Впрочем, уже секунду спустя, американец вновь обратил стальной взор к детективу.

Несколько секунд все трое молчали, не двигаясь с места. Вскоре Даниэль отпустил Амелию, отступив на шаг назад.

– Прошу прощения.

Нервно качнув головой, что мало походило на учтивый поклон, мужчина развернулся и пошёл в сторону кабинета отца. Говард даже не взглянула на него, она по-прежнему смотрела лишь на Томаса. При дневном свете джентльмен выглядел несколько иначе, не так загадочно, как в объятиях сумрачного города, но это ни сколько не преуменьшало глубины его взгляда и притягательности обаяния.

Рэнделл несмело улыбнулся.

– Вы в порядке?

Говард ответила не сразу. Она так и не смогла разобраться в собственных чувствах. Что вызвало смятение? Произошедшее в кабинете судьи? Напористость детектива или поступок американка? Лишённая отцовской заботы и не имеющая никакого покровительства свыше, Амелия привыкла решать все проблемы сама. Брошенная на амбразуру суровых реалий, девушка почти позабыла как это – чувствовать поддержку со стороны.

Маска бескомпромиссной самоуверенности чуть было полностью не слетела с прелестного лица. Говард была взвинчена, и, очевидно, глубоко расстроена. Сие не смогло укрыться от пронизательного взгляда иностранца. Тогда, на приёме, леди показалась Рэнделлу чрезмерно горделивой и непрístupной, чем, собственно, и привлекла внимание. Сейчас же он узрел в ней нечто настоящее, свойственное обычным, земным людям – слабость. И это заинтересовало его не меньше.

– Да, благодарю вас, – вымолвила на сдавленном выдохе дама.

Повисла неоднозначная пауза. При этом ни Амелия, ни мистер Рэнделл не чувствовали себя неловко, скорее, непривычно. Леди открыто разглядывала джентльмена, чувствуя странного рода волнение в груди. Он, не стесняясь, делал то же самое, полностью убедившись в том, что Говард обладала воистину ведьмовской красотой и притягательностью.

Наконец, очаровательно улыбнувшись, Томас чуть вскинул брови и шагнул вперед.

– Мисс Говард, – его взгляд стал трогательно вопросительным, – будет ли уместно, если я приглашу вас на чашечку чая?

Глава 7

**"Она строптива – но и я упрям.
Когда же пламя с пламенем столкнутся,
Они пожрут всё то, что их питало".**
Уильям Шекспир

Извозчик ожидал мистера Рэнделла прямо напротив здания суда.

Джентльмен галантно подал Амелии руку, помогая подняться на приступок, сам же, оглядевшись по сторонам, ловко заскочил внутрь и сел напротив дамы, снимая с головы цилиндр.

Некоторое время оба молчали, безотрывно и предельно сосредоточенно глядя друг на друга, словно в этом был скрыт какой-то тайный замысел. Изредка Томас проявлял слабость, его губ касалась хитрая полуулыбка, на что мисс Говард иронично усмехалась и отводила взгляд. Экипаж немного трясло, особенно на поворотах. Топот копыт и звуки суетливого Лондона то и дело пробирались внутрь, но совершенно не привлекали внимания присутствующих.

Томас невольно скользнул пальцами по набалдашнику трости в виде головы орла, сжав его пальцами, будто бы нервничал. Амелия заметила этот с виду безобидный жест и решила таки окончить немое противостояние.

– Интересная вещица. Подходит вам...

– Оу, – Рэнделл бросил короткий взгляд на трость. – Она принадлежала моему отцу. Дорога как память.

– Вы сказали "принадлежала"? – без тени смущения продолжила беседу леди.

– Да, он, к моей величайшей скорби, умер, когда я был совсем ребёнком, – весть была удручающей, но джентльмен давно примирился с ней, так что сообщил сей факт почти без эмоций.

– Прошу меня простить, – несмотря на сдержанное поведение собеседника, всё же извинилась Амелия.

– Пустое, мисс Говард, это было давно, – мягко улыбнулся мужчина и тут же перевёл тему. – Позвольте узнать, что произошло между вами и детективом Байроном?

Амелия неожиданно вздрогнула, распрямив спину, словно кто-то с силой рванул шнуровочные ленты, затягивая корсет. Томас нахмурился и медленно моргнув, отрицательно покачал головой. С его тонких, но ярко очерченных губ сорвался досадливый вздох.

– Простите мою бестактность... Англия, никак не привыкну.

Говард понимающе кивнула, с интересом прошлась взглядом по виноватому лицу мужчины, а затем чуть наклонилась вперёд, ловя его взор.

– И как сильно мы отличаемся от вас? – с любопытством спросила она, широко улыбувшись.

В карих глазах внезапно зажегся огонёк страстного обожания жизни, потерянный в разговоре с судьёй.

Рэнделл задумался, чуть поджав губы. В этот момент экипаж остановился и кучер несколько раз стукнул по крыше кулаком. Томас звучно выдохнул, его улыбка озарила полумрак кареты лучистым обаянием. Мужчина подался навстречу даме, опираясь обеими руками о трость.

– Знаете, мисс Говард, англичане отличаются от американцев, американцы от французов, французы от англичан. Но вы... отличаетесь от всех...

Его голос понизился до еле различимого шёпота. Амелия неосознанно облизнула губы, чувствуя легкое колебание воздуха от близости дыхания джентльмена.

Их притяжение было слишком очевидным, но ещё более ясно во взглядах господ читалось желание продолжить эту будоражащую воображение партию, пробуждающую у обоих дух авантюризма.

– Изящность намёков явно не самая сильная сторона американского народа, – иронично подметила леди.

Томас заразительно рассмеялся.

– Я бы даже сказал, она полностью у нас отсутствует. Но, как меня заверил Алан, вы высоко цените открытость и прямолинейность, хотя являетесь самой таинственной загадкой Лондона...

Теперь смех Амелии заполнил тесное пространство, отражаясь от стен звонкими перебивками маленьких серебряных колокольчиков.

– То, что мистер Линч и господа ему подобные не в силах познать тонкости женской души, вовсе не делает меня особенной.

– Вы правы... – согласно кивнул Рэнделл. – Вас делает особенной совершенно другое...

– Милое личико, смею предположить? – иронично ухмыльнулась Амелия, всем своим видом давая понять, что подобными комплиментами собеседник собственноручно роет себе могилу.

Томас сощурился. Слегка опущенные внешние уголки глаз очертила сеточка мелких, милых морщинок. Они нисколько не портили внешность джентльмена, напротив, наделяли его мимику особой живостью. Затем мужчина откинулся назад, пристально глядя на даму. Выдержал паузу, а когда заговорил, его голос прозвучал слишком резко, почти без смазанного американского акцента.

– Острота ума. Смелость и дерзость, свойственная юнцам, при этом не переходящая грани приличия. Сила духа. Жёсткость нрава. Самодостаточность, которой могли бы позавидовать многие мужчины, – Рэнделл чуть вскинул бровь и вновь улыбнулся, теряя напыщенную серьёзность, с которой до сих пор перечислял достоинства мисс Говард. – И да, вы невероятно красивы, нет никакого смысла это отрицать. А теперь идёте пить чай?

Амелия смотрела на мужчину с неприкрытым удивлением и явной заинтересованностью, куда более глубокой, нежели банальное любопытство. Очевидно, Томас Рэнделл смог очаровать неприступную гордячку, и вовсе не оттого что минутой ранее польстил её самолюбию. Было в этом джентльмене нечто особенное, манящее и такое знакомое... К тому же американец продемонстрировал невероятную проницательность, смелость суждений и прямому взглядов. Он не боялся говорить то, что думает, вслух, как и сама Говард. Ловко жонглировал словами, был способен вычленять недостатки собеседника, его скрытые достоинства и, несомненно, умело этим пользовался. Подобные качества, безусловно, импонировали Амелии. Не говоря уже о соблазнительной внешности мужчины, неидеальной и именно поэтому такой соблазнительной.

– Не бойтесь слухов? – готовясь покинуть экипаж, уточнила Амелия.

Рэнделл встал первым, резво выскочил на улицу и подал девушке руку, придерживая дверцу. В его ладонь почти сразу легли тонкие пальцы, причём без перчатки. Мужчина сжал их крепче и, стоило Говард показаться снаружи, проникновенно посмотрел ей в глаза – сейчас они были почти на его уровне.

– Сочту за честь, если моё имя будет запятнано вашим...

Амелия довольно улыбнулась и спустилась наземь. Она ничего не ответила, зато красноречиво взяла джентльмена под руку, окинув взглядом здание ресторана – пара прибыла в одно из самых дорогих мест в Лондоне.

За непринуждённой беседой пролетело почти два часа. Томас рассказал, что занимается крупными поставками льна, хлопка и шёлка. Алан Линч планировал открыть в Лондоне элитное ателье и сделал Рэнделлу предложение, от которого американец не смог отказаться. Как

оказалось, на самом деле мужчины были знакомы не более полугода, но весьма сблизилась, пока вели переговоры. Томас также признался, что Лондон его не впечатлил, но он бесконечно влюбился в Эдинбург. Амелия была немногословна, она больше слушала, нежели рассказывала о себе. Но упомянула, что одной из самых глубоких её страстей является литература.

Американец больше не поднимал тему инцидента в здании суда, свидетелем которого стал. Говард была ему благодарна за тактичность и по-настоящему приятно проведённое время.

Когда молодые люди вышли на улицу, мужчина предложил леди свой экипаж, дабы тот доставил её домой. Амелия вежливо отказалась.

– У меня в Лондоне ещё дела, но я премного благодарна за заботу.

– Уверены, что моё сопровождение не понадобится? – учтиво спросил Томас, не желая прощаться столь скоро.

– Абсолютно, мистер Рэнделл.

– О, прошу, столь официальное обращение разбивает мне сердце! Томас, просто Томас...

Амелия загадочно улыбнулась и утвердительно кивнула.

– Я увижу вас снова? – протягивая леди руку, оставляя на женских пальцах чувственный поцелуй, спросил американец.

– Лондон не так велик, как может показаться, – мягко ответила Говард, не спеша разрывать прикосновение. – Думаю, мы ещё свидимся.

Рэнделл чуть более ощутимо обхватил хрупкую ручку, в последний раз коснулся проникновенным взглядом миловидных черт и отступил на шаг назад в прощальном поклоне.

– А пока я сохраню ваш образ в своих воспоминаниях. Даже если вы будете против.

– Я не против, Томас... – словно пробуя имя джентльмена на вкус, без улыбки, ответила Говард.

Рэнделл сел в карету. Воздух рассёк хлыст, лошадь дёрнулась и экипаж тронулся, оставляя девушку один на один с не знакомыми прежде ни её сердцу, ни разуму чувствами.

Глава 8

**"Вот видишь ты, не мы одни несчастны,
И на огромном мировом театре
Есть много грустных пьес, грустней, чем та,
Что здесь играем мы!"**

Уильям Шекспир

В редакцию Амелия вошла, вновь придавленная к земле тяжестью обстоятельств, в которые угодила с пьяной руки отца. Сегодня здесь было куда спокойнее, нежели в прошлый раз, сказалось окончание рабочего дня. Джозеф сидел в главном помещении спиной к двери и, бурно жестикулируя, эмоционально спорил с коллегой.

– Если мы это напечатаем, то поседем панику! – повысив голос, заявил журналист.

– Люди должны знать, что на самом деле творится на Брод-Стрит, это сплотит их! – столь же резко отозвался мужчина, стоящий у окна.

– Сплотит? Нет, друг мой, напротив! Это лишь усугубит ситуацию! Ты слышал, что болтают в высших кругах? Что Брод-Стрит стоит выжечь дотла вместе с заболевшими!

– Прошу прощения, – нарушая беседу, подала голос Амелия, но лишь оттого, что собеседник Фостера её заметил.

Джозеф обернулся. Несколько секунд на его лице ещё царил возмущение, но вскоре взгляд смягчился, а уголки губ дрогнули, даря любовнице тёплую улыбку.

– Мисс Говард, какой приятный сюрприз. Вы, должно быть, по поводу рукописи? – поднимаясь на ноги, весьма правдоподобно играя роль всего лишь знакомого, журналист бросил многозначительный взгляд в сторону коллеги. Тот понимающе кивнул и, прихватив со стола шляпу, направился к выходу.

– Подумай над моим предложением, Фостер! Мисс... – учтиво поклонившись даме, мужчина покинул помещение.

В комнате остались только Амелия и Джозеф. Джентльмен сразу же подошел к возлюбленной, накрывая своими ладонями её плечи.

– Как прошло с судьёй? – с участием поинтересовался он, вглядываясь в глаза Амелии.

Она молчала.

– Ну же, неужели старый хрыч отказался дать отстрочку?

– Можно сказать и так, – почти шёпотом ответила Говард.

– Чёрт возьми! – Фостер тяжело вздохнул и, отступив назад, прикрыл глаза рукой, давя большим и указательным пальцами на глазницы. – И сколько у нас времени?

– В письме было указано: "по истечении недели". Но два дня мы уже потеряли, – обречённо заключила леди.

Фостер, почувствовав, что девушка что-то недоговаривает, перестал мерить шагами кабинет и остановился прямо напротив неё, глядя с подозрением.

– Я должен знать что-то ещё?

Он испытывал сильнейшее желание прикоснуться к хрупкому стану своей музы, прижать её к груди, втянуть в лёгкие сладковатый аромат шёлковых волос. Но застывшее лицо Амелии, не выражающее ничего, кроме горечи, останавливало журналиста.

– Ты сама не своя. Прошу, не молчи. Я скор на выдумку закрученных сюжетов, – попытался разрядить обстановку джентльмен.

Говард зажмурилась, шумно выдохнула, силясь привести мысли в порядок.

– Амелия, да ради всего святого, что произошло?

Теперь Джозеф действительно нервничал. Он хорошо знал женщину, которую любил: судья не только отказался продлить ссуду, случилось нечто ещё.

– Байрон предложил мне стать его любовницей в обмен на полное закрытие долга, – холодно произнесла леди. – Я отказалась и была весьма неучлива. Теперь судья наверняка потопит меня, как жалкую лодчонку. А вместе со мной ко дну пойдёт сестра и, так уж вышло, ты...

– Я? – непонимающе нахмурился журналист, но страха и даже волнения на сей счёт он не испытал.

– Питер Байрон в курсе, что мы любовники. Он открыто обмолвился об этом. Я не стала лгать.

Повисла пауза. Фостер отошел к окну, задумчиво глядя на проезжающие мимо экипажи. Амелия присела на стул, где прежде сидел журналист. Время потекло неспешно, угнетая тихим шагом секундной стрелки часов, висящих на стене.

Ситуация была непростой, никто в Лондоне не хотел затевать спор с судьёй. Но бросить любимую женщину в столь щекотливом положении Джозеф не мог.

– Послушай, – мужчина обернулся глядя на Амелию, заговорив при этом чётко и твёрдо, – раз у нас всего пять дней, и нет времени на то, чтобы плести интриги вокруг нового имени, я опубликую роман под своим.

– Но, Джозеф, если роман провалится, твоя репутация окажется под ударом, – тут же запротестовала Говард.

Джентльмен заметил взволнованный блеск в глазах любовницы, напряжённую морщинку меж бровей и то, как дрогнули хрупкие плечи. В груди тёплой волной разлилась нежность.

Фостер чуть заметно улыбнулся собственным мыслям: как бы Амелия ни старалась держать его на расстоянии, нередко проявляя полное равнодушие, он всё-таки был ей небезразличен.

Сорвавшись с места, Джозеф в два шага оказался подле леди, присел на колени у её ног и взял в свои ладони маленькие ручки с длинными, "фортепианными" пальцами.

– Твой роман хорош, очень хорош, Амелия! Я читал его и знаю, о чём говорю! Но даже если что-то пойдёт не так, об этом забудут уже через пару месяцев. Не волнуйся обо мне, милая...

– Да, забудут, если не вмешается Байрон, – вымученно усмехнулась леди. – А он не стерпит! Он обязательно влезет в это дело!

Фостер тяжело вздохнул. Затем поднёс к губам руки возлюбленной и прикрыл веки.

– Но другого выхода у нас нет, – спокойно произнёс мужчина некоторое время спустя. – Так что подготовь рукопись, я заеду за ней завтра утром. Возьму пару отгулов, перепишу своей рукой и отдам издателю. Верь в меня! Верь в себя, в нас, и всё получится.

Амелия, колеблясь, согласно кивнула. Джозеф был прав в одном – при сложившихся обстоятельствах выбора особо не было.

Спустя пару часов Говард вернулась в поместье. Ещё не успев снять шляпку, она услышала исполненный трагизма плач младшей сестры. Мэри была в гостинной, вокруг неё, точно насадка, сутилась Лиззи, подавая то чистые платки, то воду в стакане.

– Что случилось? – холодно спросила старшая Говард, проходя в комнату.

Она и так была на грани, а тут ещё сестрица решила устроить спектакль! Порой Амелия сомневалась, что их с Мэри связывало кровное родство, больно взбалмошной и, что греха таить, глуповатой была эта белокурая девица.

– Амелия! – зашлась воем Мэри и кинулась сестре на шею. – Амелия, я умру старой девой! Никто больше меня не полюбит! Я никого не смогу полюбить... О, Чарльз!

Говард вопросительно посмотрела на служанку, которая лишь растерянно пожала плечами. Тогда, взяв Мэри за запястья, леди сняла с себя её руки и попыталась поймать взгляд раскрасневшихся глаз.

– Быть может, ты, дорогая сестрица, перестанешь реветь раненой медведицей и объяснишь, в чём, собственно, дело?

Но юная мисс лишь драматично закатила глаза, прижав ко лбу тыльную сторону ладони и, отойдя от Амелии, рухнула на кушетку, продолжая плакать.

– Лиззи? – требовательно обратилась к прислуге хозяйка.

Та, поначалу замешкав, таки смогла преодолеть врождённую трусость и рассказала, что знала сама.

– Около часа назад к нам приезжал мистер Уитмор, Чарльз Уитмор. Он был страшно расстроен и зол на своих родителей. Вывел мисс Мэри на прогулку, но дальше крыльца они не ушли. Миледи вернулась домой вот... – Элизабет указала на всхлипывающую девицу рукой, – в таком состоянии.

Амелия напряжённо сощурила глаза, бросила колкий взгляд на сестру, затем вернула внимание служанке, безмолвно приказывая продолжать. Она наверняка знала о таланте Лиззи оказываться в нужное время в нужном месте. Вдобавок ко всему её служанка обладала почти сверхъестественным слухом.

– Кажется, мистер и миссис Уитмор не дали своё благословение на помолвку с мисс Мэри, – стены гостиной вновь задрожали от протяжного стопа младшей Говард.

– Но всё же шло хорошо! Почему они изменили решение? – задумчиво нахмурилась Амелия, отводя взгляд в сторону, цепляясь им за первое, что придёт.

– Я могу ошибаться, но возможно, в этом деликатном деле замешан судья Байрон. Мистер Уитмор обмолвился о его сегодняшнем визите, – почти шепотом пролепетала Лиззи.

Глаза Амелии вспыхнули ядовитым пламенем, плечи вздрогнули, спина стала неестественно прямой. Пальцы сжались в кулаки, зубы закрипели, лицо сначала побледнело, но вскоре налилось сочным румянцем. Буря уничижительных чувств, гневных, отравляющих, захлестнула изнутри, разрывая благородную сущность молодой женщины на сотни лоскутных лент, которые в её писательском воображении тут же устремись к судье, настигли его и безжалостно обвили дряхлое тело, ломая кости. Говард чувствовала почти физическое возбуждение, представляя, как жалкий старик корчится в муках. Ненавидела! Как же Амелия его ненавидела!

– Что же мне теперь делать, сестра? Что же нам делать?.. – продолжала причитать Мэри, в то время как старшая Говард из последних сил сдерживала приступ ярости, дабы не разнести всю гостиную в щепки.

Прикрыв трепещущие от злости веки, Амелия шумно выдохнула. Затем горделиво вздёрнула подбородок и пугающе холодно произнесла:

– Готовиться к свадьбе... или к похоронам.

Ох, знала бы мисс Говард, что её слова в скором времени станут пророческими.

Глава 9

**"Пока мы стонем: "Вытерпеть нет силы",
Ещё на деле в силах мы терпеть".**
Уильям Шекспир

На следующее утро, как и обещал, Джозеф приехал за рукописью. Амелия встретила его холодно. Мысли девушки всю ночь вращались вокруг расстроенной помолвки младшей сестры. Фостер не стал утомлять возлюбленную вопросами, посчитав, что если она пожелает, расскажет всё сама. Но позже всё же уточнил у Лиззи, не случилось ли чего. Служанка, как на духу, выложила и о визите мистера Уитмора, и о разбитом сердце Мэри. Решив более не терять ни минуты, журналист попросил передать Амелии, что через два дня будет ждать её "где обычно", и спешно уехал. Ему предстояло меньше чем за сутки переписать внушительных размеров роман, а с утра явиться в бодром расположении духа на встречу с издателем.

Амелия за это время успела нанести визит чете Уитморов. Мать Чарльза была несказанно рада видеть Говард, но с прискорбием сообщила, что никак не может повлиять на ситуацию – решение принял её достопочтенный супруг после встречи с судьёй Байроном. О чём именно мужчины говорили, женщина не знала.

Уже покидая их дом, Амелия столкнулась с несостоявшимся женихом. Молодой человек был подавлен не меньше, чем Мэри. Леди даже почувствовала жалость к юному джентльмену. Его чувства по отношению к младшей мисс Говард были искренними и взаимными. Этот брак наверняка сделал бы счастливыми их обоих, что в нынешние времена случалось нечасто.

– Мисс Говард, – сжав руку Амелии на прощание, Уитмор заглянул ей в глаза, пытаясь увидеть в них надежду. – Будьте любезны, передайте Мэри, что если мои родители не изменят своего решения, я клянусь, что никогда не женюсь, ведь моё сердце... моё сердце...

– Милый Чарльз, – участливо похлопав молодого человека по тыльной стороне ладони, мягко улыбнулась Амелия, – не спешите отчаиваться. Уверена, в скором времени всё образуется. А сестре я обязательно передам ваши тёплые пожелания. Уверяю, она скучает по вам не меньше.

– Она что-нибудь говорила обо мне? – взволнованно спросил юноша.

– Ох, она говорит о вас постоянно. Не волнуйтесь, Мэри любит вас и, к слову, передала письмо.

С облегчением выдохнув, забирая конверт из женских рук, Чарльз помог даме сесть в экипаж и быстрым шагом устремился к дому, прижимая заветное послание к груди.

Всю дорогу до родового поместья Амелия размышляла над сущностью чувств, превращающих разумных господ в Чарльза Уитмора. Некогда славившийся рассудительностью юноша теперь походил на бездомного щенка, который отдал бы всё за сахарную кость – возможность обладать предметом своего обожания, в данном случае Мэри Говард.

– Ах, эта коварная любовь... – в голос произнесла Амелия с досадливой усмешкой.

Отчего-то перед глазами тотчас возник образ американца. Его проникновенный взгляд, будораживший сознание. Очаровательная улыбка, вызывающая приятный трепет в районе солнечного сплетения. Глубокий, низкий голос, который хотелось слушать и слушать. Их чаепитие оставило в душе девушки приятные воспоминания. Если быть до конца откровенной, Амелия пару раз ловила себя на мысли, что не окажется она в столь щекотливом положении, останься по-прежнему беззаботной барышней, коей была до смерти матери, непременно бы влюбилась в этого мужчину без памяти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.